

М.М. Соколов

ИНДИВИДУАЛЬНЫЕ ТРАЕКТОРИИ И ПРОИСХОЖДЕНИЕ «ЕСТЕСТВЕННЫХ ЗОН» В ПЕТЕРБУРГСКОЙ СОЦИОЛОГИИ*

В статье исследуются биографические причины, обуславливающие принадлежность к одной из основных «естественных зон» в петербургской социологии. Исследуется возможный вклад (а) парадигматических принадлежностей, (б) либеральных/консервативных политических предпочтений; (в) ассимиляционистских/ изоляционистских научных взглядов; (г) конъюнктуры академических рынков труда; (д) происхождения и унаследованных ресурсов. Полученные данные указывают на первостепенное значение идеологических взглядов (связанные между собой либерализм и ассимиляционизм) и унаследованных ресурсов, демонстрируя, что разные «естественные зоны» локального академического сообщества рекрутируют пополнение из разных социальных сред, карту которых они в некотором роде повторяют.

Ключевые слова: социология социальных наук, академические карьеры, академические рынки, социальные среды, политические идеологии.

Keywords: sociology of the social sciences, academic careers, academic markets, social milieu, political ideologies.

В предыдущих текстах было продемонстрировано, что петербургская социология должна выглядеть на карте как сообщество (или несколько

* Я хотел бы добавить к общим благодарностям, выраженным в конце вводной статьи, две личные — Борису Фирсову, который стал для меня проводником в сетевой истории ленинградской социологии, и Эдуарду Понарину, указавшему на несколько важных недостатков в статистических выкладках. Ни тот, ни другой не несут никакой ответственности за дефекты этой статьи. Как всегда, отдельная благодарность ЦФИ ГУ-ВШЭ, поддержавшему проект «Институциональная динамика, экономическая адаптация и точки интеллектуального роста в локальном академическом сообществе: Петербургская социология после 1985 года».

связанных между собой сообществ), растянутых с условного «Запада» на условный «Восток» с расположенным где-то посередине «Севером»*. История появления этой структуры может быть рассказана как история последовательных делений прежде единой сети, части которой выбирали повороты в западном или восточном направлении (по аналогии с Abbott 2001): вначале — отделение от сети ЛГУ группы, становящейся ядром различных институтов Академии наук, затем — отделение уже от нее фрагментов, создающих ЕУ СПб, ЦНСИ и факультет социологии СПб ГУ-ВШЭ. Данная статья пытается ответить на вопрос о том, что определяло положение конкретного индивида в какой-то части спектра, возникшего в результате этого ветвления. Те, кто уже был частью сети к моменту очередного деления, должны были решить, с кем они (следуют ли они за Ядовым в 1967 г. или остаются в НИИКСИ, следуют ли они за Фирсовым в 1989 г. или остаются в ИСЭПе и т. д.)** Те, кто находился в некотором отдалении от зоны раскола, рано или поздно должны были определиться, с кем они предпочитают сотрудничать. Те, кто присоединился к профессиональному сообществу после того, как деление завершилось, должны были решить, к какой из групп они хотят примкнуть. Ниже делаются попытки найти генеративный принцип, описывающий индивидуальный выбор в этих условиях. Но за вопросом о персональном выборе стоит другой, и более сложный. Мы должны были попытаться понять, какие факторы провоцируют деления сети, поскольку именно они — чем бы они ни были — стоят за приданием сообществу той формы, которую оно приняло сегодня.

Гипотезы

Источниками наших гипотез была, во-первых, литература по социологии, во-вторых, данные интервью, и, в-третьих, некоторое количество здравого смысла, использованного для интерпретации рис. 1 в первой статье этого блока. Суммируя все это, мы предположили, что в определении траектории могло иметь значение:

* «Север» находится посередине, но не совсем на прямой, а так, что между «Востоком» и «Западом» наличествуют минующие его обходные пути — или, во всяком случае, одна тропинка. Эта тропинка ведет через совместную магистерскую программу факультетов социологии СПбГУ и университета Билефельда, на которой преподает и администрированием которой занимается смешанный состав преподавателей Ист- и Вест-Энда.

** Помимо собственного желания, разумеется, имела значение готовность лидеров каждой из групп принять их под свои знамена, — и дополнением к поставленному выше является вопрос о том, что определяло эту готовность.

(А) Теоретико-методологическое кредо. Интуитивное наиболее очевидное объяснение представляет дифференциацию сообщества как результат несовпадения в областях интересов или выбираемых парадигматических основаниях исследования. Эта гипотеза неплохо согласуется с возрастными характеристиками разных групп (если смена парадигм, по Куну, эмпирически обычно связана со сменой поколений ученых, то можно понять, почему разные части сообщества различаются по возрасту). В пользу этого предположения также высказывались некоторые из информантов из Вест-Энда, которые предполагали, что другие части сообщества «заражены позитивизмом». Тем не менее, предыдущее исследование заставило нас скептически относиться к этому допущению. Тогда было обнаружено лишь минимальное предпочтение в пользу таких областей, как гендерные исследования или социология повседневности в Вест-Энде или история русской социологии и проблемы управления — в Ист-Энде (Соколов 2009). Свои специалисты по самым массовым областям исследований, вроде социальной структуры или проблем этничности, есть в каждой из частей сообщества. Ни одно из интервью также не подтвердило предположения о тематическом фокусе как о дифференцирующем обстоятельстве. Аналогичным образом мы не нашли сколько-нибудь отчетливых корреляций с заявленными теоретическими и методологическими ориентациями. Тем не менее, мы разработали и тестировали шкалу «позитивизма-антипозитивизма», которая описывается ниже.

(Б) Ориентация на национальную/интернациональную науку (изоляция-ассимиляция). И все же разница в круге чтения и наборе авторитетов между частями сообщества, безусловно, присутствует. Граница здесь проходит, однако, не между адептами разных полюсов традиционных бинарных оппозиций (микро-макро, объективизм-субъективизм), а между теми, кто ориентируется на «западную», преимущественно англоязычную литературу, и теми, кто стоит на стороне национальной традиции и независимого от интернациональных влияний развития дисциплины. Раскол такого рода проходит уже несколько десятилетий через все не-англоязычные академические миры. Решение публиковаться на английском языке и бороться за признание широкой интернациональной аудиторией или не делать этого — одно из центральных, которое каждый ученый индивидуально должен принять для себя. Более того, аналогичное политическое решение, принятое на уровне национального академического мира в целом, во многом определяет шансы разных групп в нем (Учитывать ли англоязычные публикации наравне, выше или ниже публикаций на национальном языке? Использовать ли индексы цитирования при оценке «результативности научной деятельности

сти»?). Не удивительно, что вокруг этого комплекса проблем часто возникает политический раскол, актуальность которого в современной России может оценить всякий, кто прослушал хотя бы несколько пленарных докладов на крупных конференциях. Предсказуемо, эта тема раз за разом спонтанно всплывала в наших интервью, в которых информанты делили сообщество на более и менее вписанную в «современную науку» или более и менее выпавшую из «национальной традиции» части. Мы использовали шкалу ассимиляционизма-изоляционизма (табл. 2), которая должна была измерить общее предпочтение, которое отдается «западной» науке перед «национальной» или наоборот. Мы предполагали, что шкалы позитивизма и ассимиляционизма могут коррелировать друг с другом (в пользу такой возможности высказывались респонденты, которые говорили, например, что «*вся западная социология теперь количественная*»), однако допускали влияние как в ту, так и в другую сторону.

(В) Либерализм-консерватизм. Эта гипотеза перекликается с предыдущей, однако если в той речь идет о предпочтении «западной» или «национальной» науки, то в этой — о более широком одобрении или отвержении «западного» образа жизни и соответствующей ориентации на отношения с Европой и США. В пользу правдоподобия этой гипотезы высказывается вся долгая традиция в социологии науки, ищущая связи между интеллектуальными позициями и солидарности с одним из социально-политических лагерей (напр., Гоулднер 2003). Как и в других периферийных странах, в России политические расколы любого рода накладываются на геополитические идентичности: «либерализм» неотделим от «западничества», а «консерватизм» сливается со «славянофильством» (Greenfeld 1990; Wallerstein 2001: 1–26). Шкала либерализма-консерватизма (табл. 2) была составлена с использованием пунктов из всевозможных политических дискуссий прошлых лет и оказалась на удивление удачной по формальным критериям. Мы предполагали несколько возможностей относительно ее взаимодействия с предыдущими шкалами. Во-первых, представлялось возможным, что либерализм влияет на позицию в сообществе не прямо, а косвенно, через ассимиляционизм — предпочтение «западного» общественного устройства отражается на вере в превосходство «западной» науки как части этого устройства. Во-вторых, либерализм мог действовать независимо от ассимиляционизма. Это значило бы, что Вест-Энд с его интернациональными связями и космополитичным образом жизни привлекателен для либералов и несимпатичен консерваторам вне зависимости от оценки отношения российской/ западной науки. В-третьих — хотя это и представлялось несколько менее вероятным — можно было допустить обрат-

ную связь — выбор в пользу западной науки стоял за предпочтением западного общества. Гипотезы такого рода легко проверялись регрессиями, которые должны были отсеять часть корреляций как ложные при контроле по второму признаку.

(Г) Генерация и конъюнктура рынка труда. Следующие две гипотезы исходят из примата экономических шансов в определении направления траектории. Согласно им, в конечном счете, зоны организованы вокруг академических рынков. Они различаются, однако, тем, каким атрибутом индивида придается решающее значение. Первая гипотеза опирается на интуитивно очень привлекательную интерпретацию рис. 1 из вводной статьи к этому блоку, который обнаруживает, что в разных естественных зонах преобладают представители разных генераций (см. также данные о возрастном составе субсетей в статье Марии Сафоновой). Проще всего объяснить это, сославшись на то, что в нормальной биографии есть сравнительно короткий период активного поиска занятости, после которой смена работодателя, а тем более полное переуплотнение, происходит относительно редко. Этот период приходится на годы после окончания университета. Те, для кого соответствующий возраст пришелся на период расширения того или иного сектора академического рынка, оказываются втянутыми в него, т. к. он гарантирует рабочие места и перспективы быстрого роста. Так, НИИКСИ и СИРАН представлены людьми, на чьи годы между 20 и 30 пришлась экспансия социально-научных академических институтов и быстрое распространение лабораторий НОТ, также создававших рынок труда для социологов. Вест-Сайд заполнили выпускники 1990-х, для которых грантовая экономика была единственным привлекательным источником заработков, и т. д. Если эта гипотеза верна, то мы обнаружим наиболее сильную связь между положением на оси Восток-Запад и возрастом. Предыдущие гипотезы также допускают возможность такой связи — или потому, что молодые могут поддержать парадигму, отличающуюся от той, которую принимают старшие, или потому, что среди младших поколений либеральные и западнические взгляды, судя по результатам всевозможных массовых опросов, в целом более распространены. В каждом из этих случаев корреляция между возрастом и координатой по оси Восток-Запад окажется ложной и исчезнет при контроле по шкалам позитивизма или либерализма. Если правильной является данная гипотеза, то она исчезнет (или уменьшится) также, если мы введем специальные шкалы экономической специализации, соответствующие внезапно разросшимся рынкам — университетского преподавания и грантовой экономики. Эта гипотеза не утверждает, что связь между локализацией в сообществе и политическими взглядами отсутствует (мы уже видели,

что она присутствует), но настаивает, что корреляция является ложной — политические и научно-политические предпочтения выбираются уже позже, как рационализация для попадания в определенную рыночную нишу.

(Д) Ресурсы. В отличие от предыдущей, эта гипотеза вводит в качестве основного фактора, определяющего карьерную траекторию, унаследованные от семьи капиталы (очевидным источником вдохновения здесь является П. Бурдьё: Bourdieu 1988). Предыдущая модель предполагала, что основной причиной специализации на каком-то академическом рынке является просто совпадение фазы активного поиска занятости в биографическом цикле с экспансией этого рынка. Эта гипотеза утверждает, что рабочая сила более мобильна, и позиции на любом рынке получают те, кто обладает конкурентными преимуществами на нем. Применительно к ситуации 1990-х гг., когда оформилась нынешняя экономическая база сообщества, данная модель предполагает следующее. Сжатие старых рынков и возникновение новых (грантовая экономика, массовое высшее образование) привели к ожесточенной конкуренции, в которой наиболее привлекательным призом были позиции, омываемые потоками грантовых денег. Эти позиции доставались в первую очередь тем, кто обладал унаследованным культурным капиталом, измеряемым образованием родителей, в свою очередь, определяющим обладание принципиальным для новой ситуации ресурсом — знанием иностранных языков. Именно последнее обстоятельство в начале 1990-х определило сортировку людей между академическими рынками, а это, в свою очередь — зональную принадлежность: некоторые освоили позиции, которые требовали энергично взаимодействовать с западными партнерами, некоторые вынуждены были удовольствоваться тем, что оставалось. Весьма вероятно, что мы будем наблюдать дальнейшее совершенствование языковых навыков у вовлеченных в грантовую экономику, и разрыв между группами по этому параметру только возрастет. Простая корреляция с возрастом также возможна — но только как отражение экспансии высшего образования в СССР. Идеологические переменные в этой модели представляют собой лишь легитимацию собственной позиции и любая их связь с позицией в сообществе должна устраниться при статистическом контроле. Надо отметить, что хотя все остальные переменные также могут объяснить корреляцию положения на оси с владением языками (либерализм — через приобщение к языку как к части образа жизни «Запада», ассимиляционизм — как необходимый ресурс для освоения интернациональной науки), — только эта гипотеза говорит, что связь является истинной и не будет устранена при контроле по другим переменным.

Переменные и операционализации

Зависимая переменная: метрика Центральной Оси

Поскольку те методы, которые мы рассчитывали использовать для изучения связей между переменными, требовали измерения этих переменных на интервальной шкале, нашей основной задачей было эту шкалу создать. Сетевые методы не могли ее нам предоставить; шкалирование результатов опроса позволило бы вычислить координаты только для тех, кто более ли менее полно ответил на вопросы анкеты, и, кроме того, мы не хотели попадать в слишком сильную зависимость от данных самоотчетов. И здесь мы обратились назад, к самому началу проекта и нашей первой попытке картографировать социологическое сообщество. В ней мы исходили из одного из основных элементов определения «естественной зоны»: ее существование в той или иной мере сегрегирует ее членов, ограничивая ее контакты с обитателями других зон. Мы избрали самый простой критерий контакта: вероятность физически оказаться в одном помещении. Два типа отношений делают эту вероятность очень высокой — работа в одной организации или участие в одном публичном мероприятии. Для всех 622 случаев в нашей выборке мы собрали доступную информацию об их вероятных присутствиях в стенах каких-то учреждений. Мы также собрали программы крупнейших конференций и семинаров (более 25 событий, в которых участвовало 30 и более докладчиков из Петербурга), происходивших в течение последних 12 лет*. Табл. 1, представленная ниже, суммирует часть этих данных.

В табл. 1 очевидна неравномерность распределения докладчиков из разных организаций по публичным площадкам. Одна ясно проступающая тенденция состоит в преобладании на каждой из них представителей того же учреждения, в котором мероприятие происходит. Ею, однако, нельзя объяснить все вариации. Представители разбросанных по городу небольших факультетов и кафедр социологии регулярно собираются на конференции в СПбГУ и НИИКСИ, но практически не участвуют в событиях Европейского университета и ЦНСИ, а последние обмениваются докладчиками постоянно, обеспечивая также некоторым их количеством семинары СИРАНа. Мероприятия за пределами Петербурга (помимо трех перечисленных больших московских конференций, использовались данные о конференции, проводившейся ESA в Хельсинки в 2001 г.), несмотря на физическую удаленность от всех учреждений, тем не менее, имеют профиль, очень близкий к некоторым из городских.

* Изначальной целью было охватить 25-летний период, однако задача покрыть годы до 1997 г. оказалась практически не решаемой — программы конференций того периода просто не сохранились.

**Число докладчиков из основных социологических организаций
Санкт-Петербурга, выступавших на крупнейших публичных мероприятиях
1997–2009 гг.***

	Европейский университет в СПб (EU_SPb)	Центр независимых социологи- ческих исследований (CISR)	Факультет социологии СПб филиала ГУ-ВШЭ (HSE_SPb)	НИИ комплексных социальных исследований (NIKSI)	Социологический институт РАН (SIRAS)	Факультет социологии СПбГУ (SPbSU)	Все остальные факультеты и кафедры (SOC_CHAIRS)	ВСЕГО
Совместные семинары Леонтьевского центра и СИ РАН, 2001–2007 (переменная LEONTIEFF)	14	6	7	4	24	9	1	65
Ежегодные конференции «Проблемы трансформации властных институтов» в СИ РАН, с 2001 г. (POWER_INST)	5	0	0	1	49	14	9	78
Чтения памяти В.Б. Голо- фаста в СИ РАН 2007, 2008 и 2009 (GOLOFAST)	5	4	3	0	58	5	6	81
Семинары в ЦНСИ, с 2002 г. (CISR_EVENTS)	28	79	15	0	8	9	0	141
Регулярные семинары в Европейском университете в СПб, с 1998 г. (EU_EVENTS)	28	12	12	0	8	4	0	64

* Один и тот же докладчик, выступавший на одном мероприятии в разные годы, считался несколько раз, выступавший с несколькими докладами в один и тот же год — один раз. Учитывались не только аффилиации, заявленные в программе, но и те, о которых свидетельствовали собранные из других источников биографические данные. Данные обо всех образовательных подразделениях, кроме факультетов социологии СПбГУ, ГУ-ВШЭ и ПНиС ЕУСПб, здесь и далее объединены в категорию SOC_CHAIRS.

Конференция «Проблемы социологического образования» на факультете социологии СПбГУ, 1998 (SOC_ED_98)	0	1	0	3	4	38	13	59
Первый Всероссийский социологический конгресс, соцфак СПбГУ, 2000 (CONGRESS_00)	3	7	3	17	22	76	21	149
Конференция «Современные проблемы российской ментальности», соцфак СПбГУ-НИИКСИ, 2005 (MENTALITY_05)	0	0	0	28	2	25	5	60
Всероссийский социологический конгресс на соцфаке МГУ, 2006 (CONGRESS_06)	0	0	0	8	9	37	20	74
Конференция «Питирим Сорокин и проблемы современной социологии», СПбГУ, 2009 (SOROKIN_09)	0	0	0	17	5	44	22	88
Ковалевские чтения, соцфак СПбГУ, 2006, 2007 и 2008 (KOVALEVSKY)	0	1	0	51	11	153	45	261
Третий Всероссийский социологический конгресс, ГУ-ВШЭ / ИС РАН (CONGRESS_08)	4	4	15	13	35	28	14	112

Рис. 1 визуализирует обнаруженные ковариации при помощи анализа корреспонденций*. Для полноты картины к основным мероприятиям

* Основным дефектом этой визуализации является то, что анализ корреспонденций определяет местоположение элементов одной категории (рядов) по их дистанции относительно элементов другой (столбцов) и наоборот. В этом смысле пространственная близость элементов одной и той же категории не свидетельствует о каких-либо непосредственных пересечениях между ними. Семинар в институте X может быть действительно полностью укомплектован его сотрудниками, однако только одной их половиной. Вторая половина может вместо этого собираться на семинаре Y в соседней комнате, причем сотрудник, появившийся и там, и там, рискует стать предметом санкций (в одном из по-

были добавлены периодические издания, в которых, как мы установили в ходе сбора библиографической информации, было опубликовано наибольшее число статей представителей нашего сообщества — «Журнал социологии и социальной антропологии» (JSSA), «Телескоп» (TELESCOPE), «Социологический журнал» (SOC_JOUR), «Социологические исследования» (SOC_RES) и социологическая серия «Вестника СПбГУ» (HERALD).

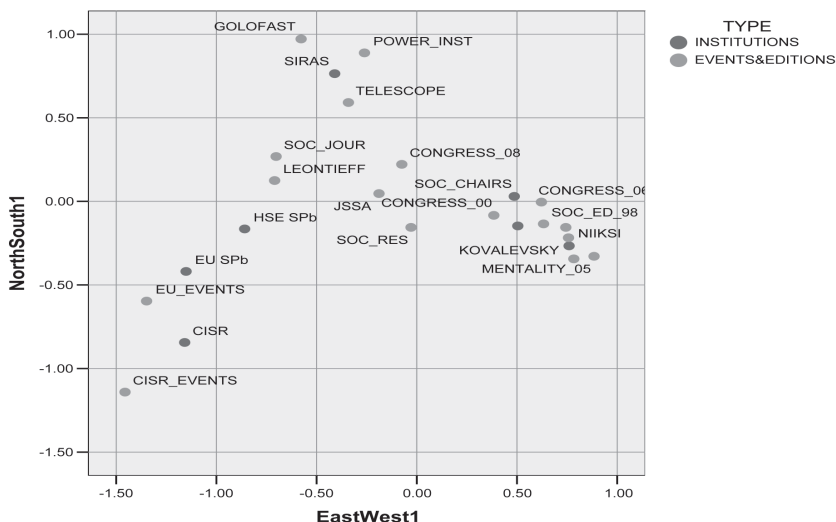

Рис. 1. Коммуникативное и институциональное пространство: анализ корреспонденций (83 % объясненной инерции)

Рис. 1 не несет никаких сюрпризов по сравнению с планами, нарисованными прежде. Очень высокий по социологическим меркам процент объясненной инерции при двумерном решении заставляет нас предположить, что сообщество может быть описано как состоящее не более чем из трех основных частей. При этом на первый фактор приходится в два раза больше инерции, чем на второй (55.4: 27.5). Это значит, что для верной передачи масштаба рисунок должен был бы быть вытянут в два раза при постоянной высоте, что сделало бы противопоставленность Норд-Энда остальным частям сообщества гораздо менее выраженной.

На рис. 2 указаны персонально некоторые из тех, кто входит в каждую из частей сообщества (индивидуальные координаты были вычислены как усредненные суммы баллов за каждую аффилиацию, мероприятие или публикацию, которые набирал индивид по каждому из двух измерений).

павших на рис. 1 учреждений фактически происходит нечто похожее). Анализ корреспонденций, однако, расположит их непосредственно рядом.

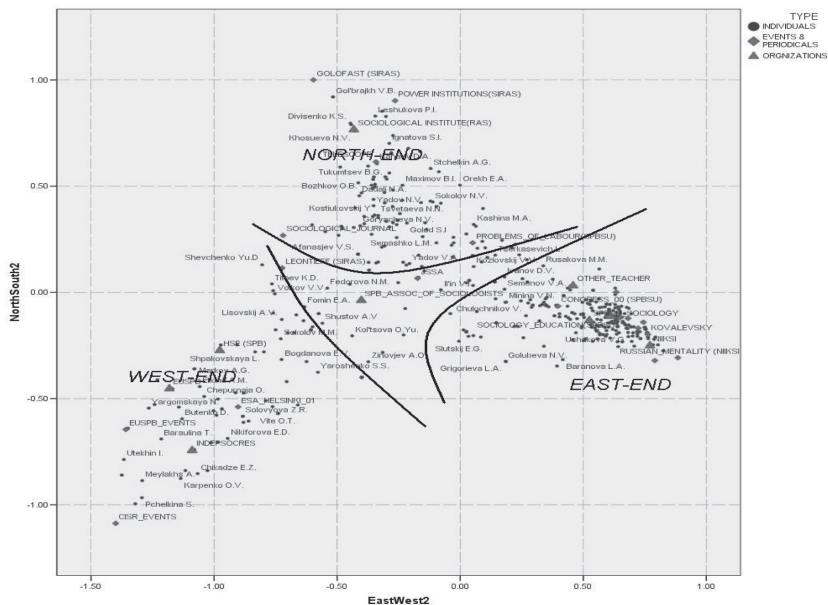

Рис. 2. «Естественные зоны» сообщества

Далее мы используем стандартизованные баллы по шкале «Восток-Запад» как оценку нашей зависимой переменной.

Независимые переменные

Выдвинутые гипотезы предполагают разные наборы истинных корреляций между одним и тем же набором переменных, отчасти уже перечисленных выше:

(1) *Возраст (В)* — год рождения;

(2) *Образование родителей (О)* — респондентам был задан вопрос «Каким был высший достигнутый уровень образования ваших родителей?» и предложены варианты ответа: «незаконченное среднее» (оценивалось в 8 баллов по полным годам школьного обучения), «среднее» (10), «среднее специальное» (11), «высшее» (15), «кандидат наук» (18), «доктор наук» (23)*. Баллы родителей затем суммировались, давая очень близкое к нормальному распределение;

* Кандидат и доктор наук, строго говоря, не соответствуют уровням формального образования, но никто из наших весьма придирчивых респондентов в данном случае не сообщил, что это нестыковка вызывает у него или нее возражения. Баллы за кандидатскую и докторскую степень оценивались по минимальным вероятным срокам, проходящим между присуждением данной квалификации и квалификации предшествующего уровня.

(3) *Языковые навыки в момент окончания школы (ЯШ)* — респондентов просили оценить свое знание английского, немецкого и французского в момент окончания школы, пользуясь шкалой «могу свободно (2) — могу с затруднениями (1) — не могу (0)» по следующим пунктам — «прочитать статью в журнале по специальности», «самостоятельно написать статью в журнал по специальности», «общаться на бытовом уровне (в магазине, транспорте)», «понять содержание доклада и принять участие в его обсуждении на конференции», «сделать доклад на конференции и ответить на вопросы аудитории». Баллы по всем компетенциям и по всем языкам затем суммировались;

(4) *Языковые навыки в настоящее время (ЯН)* — аналогичный вопрос про нынешнее состояние;

(5) *Изменение языковых навыков (ЯИ)* — вычислялось как разность между ЯН и ЯШ.

(6) *Позитивизм-антипозитивизм (П)* — шкала, измерявшая согласие или несогласие с основными пунктами позитивистской программы, пункты которой с нагрузками по первому фактору в анализе основных компонент перечислены в табл. 2;

(7) *Политический либерализм-консерватизм (Л)* — оценивался по специально разработанной «шкале либерализма-консерватизма». Пункты и нагрузки — в табл. 2;

(8) *Научный ассимиляционизм-изоляция (А)* — представляет собой шкалу, направленную на оценку предпочтения «национальной» или «западной» социологической традиции. Пункты и нагрузки — в табл. 2;

(9) *Специализация на «грантовой экономике» (ГЭ)* — оценивалась на основании ответов на вопрос «Какое место в структуре ваших доходов в течение прошлого (2008) года занимали следующие источники?». 1 присваивался тем, кто указал, что извлекал какую-то часть своих доходов из «исследовательских грантов зарубежных фондов, совместных исследований с западными коллегами» и/или «стипендий западных ВУЗов или фондов», 0 — всем остальным*.

(10) *Специализация на образовательной экономике (ОЭ)* — оценивалась на основании указанной доли доходов от преподавания в ответах на тот же вопрос, 1 присваивался тем, кто получал более 25 % доходов от преподавания, 0 — всем остальным**.

* Учитывались даже те, кто извлекал менее 10 % доходов. Преимущественно это было обусловлено вычислительными соображениями: число всех как-то причастных к грантовой экономике составляло 81 из 251 опрошенного (32 %).

** Разбиение производилось по медианному респонденту. Всего на доходы от преподавания указало почти 80 % опрошенных.

(11) Специализация на российских исследовательских грантах (PI) — 1 — респонденты, указавшие получение каких-то средств из этого источника, 0 — все остальные*.

Таблица 2

Основные шкалы, использованные в исследовании

Шкала позитивизма-антипозитивизма	
Качественные методы могут принести социологам больше полезных результатов, чем количественные	-0.537
Социологам следует стремиться к такой же научности, как та, которую демонстрируют физика и химия	0.787
Знание статистики необходимо всем социологам; нельзя быть специалистом в нашей дисциплине, не зная ее	0.497
Нельзя оценивать социологию, применяя к ней стандарты естественных наук — она представляет собой иной тип знания	-0.720
Шкала либерализма-консерватизма	
Модель либеральной рыночной экономики в целом не подходит для России	.687
Я поддерживаю легализацию однополых браков	-.767
Я поддерживаю отмену моратория на смертную казнь (восстановление смертной казни)	.677
Россия поступила правильно, применив силу для сдерживания Грузии летом 1998 г., несмотря на негативную реакцию западного мира	.773
Распад СССР был геополитической катастрофой, которую тогдашнее руководство страны должно было предотвратить любой ценой	.776
По моему мнению, либеральные демократии стран Запада — тот тип политической системы, к которому России надо стремиться	-.747
Русской культуре принадлежит особая роль в становлении российской государственности, и государство должно специально заботиться о ее сохранении	.701
Шкала ассимиляционизма-изоляция	
Российским социологам следует стремиться к сохранению и развитию национальной социологической традиции	0.805
Российская социология отстала от западной на десятилетия, и мы должны сейчас учиться у западных коллег	-0.528
Западные теории многого не объясняют в российской жизни; нужно работать с собственными теоретическими моделями	0.660
Для российских социологов сейчас более важно читать англоязычные (франко-, германо-) книги и журналы, чем русскоязычные	-0.617
Проводя исследования, социологи должны прежде всего думать об интересах своей страны и своего государства	0.860

* Критерий и здесь был медианным. Всего на получение каких-то средств из этого источника указало 40 % опрошенных.

Результаты

Простые корреляции между переменными сведены в табл. 3, где, как мы видим, почти все столбцы и строки связаны между собой.

Исключение составляют баллы по шкалам позитивизма и получение российских грантов, дающие лишь очень слабые корреляции (максимальная находится на уровне значимости 0.05). После проверок на наличие нелинейных связей (не давших никаких результатов) они были исключены из анализа вместе с гипотезой А («Теоретико-методологической»). Кроме того, образование родителей оказалось не связано с изменением языковых навыков во взрослом возрасте и работой в вузе, языковые навыки после школы — не связаны с либерализмом и ассимиляционизмом (связи с работой в вузе и получением грантов находятся где-то на пределе значимости). Эта картина меняется, однако, когда мы обращаемся к табл. 4, которая содержит те же самые корреляции с учетом статистического контроля по всем остальным переменным. Иными словами, в ней удалены любые связи между А и В, которые могут быть результатом связи обеих переменных с какой-то еще переменной С из нашего списка. Как и следовало ожидать, число связей сокращается. Те, которые остаются, складываются в следующую картину (табл. 4).

Ни одна из гипотез не переживает проверку в неизменном виде, но две, В, Г и Д («Ресурсная» и две идеологические), оказываются вполне пригодными после некоторых адаптаций. Интерпретируя получившийся рисунок, мы получаем, что основными факторами, обуславливающими расположение на оси Восток-Запад, оказываются, во-первых, политические и научно-политические взгляды (чем сильнее либеральные и ассимиляционистские убеждения, тем «западнее» оказывается их носитель в нашем сообществе) и, во-вторых, специализация на академическом рынке (чем круче поворот к «грантовой экономике, тем «западнее», чем глубже вовлеченность в преподавание — тем «восточнее»)*. При этом либерализм и ассимиляционизм представляют собой разные факторы, не сводимые полностью друг к другу, хотя и тесно взаимосвязанные. Они не связаны напрямую со специализацией на академических рынках. Складывается впечатление, что два механизма, экономически-

* Читатель мог уже отметить для себя самый слабый момент в дизайне этого исследования. По умолчанию предполагается что либерализм и ассимиляционизм — неизменные атрибуты, и, оценив аттитюды по этим шкалам сегодня, мы можем экстраполировать их на прошлое индивида. Наличествующий контроль снимает вероятность того, что убеждения — это просто рационализация, вытекающая из занятия определенной рыночной ниши, но не устраняет вероятности того, что есть еще какой-то фактор Х, который привел их в соответствие с положением в сообществе, который мы не учли.

Таблица 3

Корреляции Пирсона между основными переменными

	Год	East West	Образование родителей	Язык после школы	Изменение языка	Либерализм	Ассимиляционизм	Позитивизм	Зарплата в вузе	Российские гранты	Западные гранты и стипендии
Год рождения	1.000	-0.204**	0.290**	0.382**	0.137*	0.332**	0.297**	0.087	-0.293**	-0.095	0.244**
East(+) West(-)		1.000	-0.180**	-0.282**	-0.234**	-0.575**	-0.535**	-0.023	0.432**	0.150*	-0.500**
Образование родителей			1.000	0.281**	0.099	0.235**	0.229**	0.135	-0.090	0.045	0.218**
Языковые навыки после школы				1.000	-0.241**	0.055	0.020	-0.040	-0.070	-0.160*	0.121
Изменение языковых навыков					1.000	0.292**	0.275**	0.021	-0.111	0.060	0.330**
Либерализм-консерватизм						1.000	0.687**	0.081	-0.363**	0.025	0.401**
Ассимиляционизм-изоляционизм							1.000	-0.054	-0.382**	-0.038	0.341**
Позитивизм-антипозитивизм								1.000	-0.080	0.014	0.019
Зарплата преподавателя/администратора вуза									1.000	-0.025	-0.237**
Российские гранты										1.000	0.022
Западные гранты и стипендии											1.000

* обозначает $p < 0.05$, ** — $p < 0.01$, *** — $p < 0.001$.

Таблица 4

Частные корреляции между основными переменными
(контроль по остальным 6 переменным)

	Год рождения	East West	Образование родителей	Язык после школы	Изменение языка	Либерализм	Ассимиляцио- низм	Зарплата в вузе	Западные гранты и стипендии
Год рождения	1.000	0.080	0.134*	0.330***	0.160*	0.163*	0.070	-0.194**	-0.118
East(+) West(-)		1.000	-0.022	-0.115	-0.050	-0.259***	-0.184**	0.258***	-0.267***
Образование родителей			1.000	0.236***	0.090	0.062	0.087	0.056	-0.050
Языковые навыки после школы				1.000	-0.345***	-0.050	-0.076	0.043	0.158*
Изменение языковых навыков					1.000	0.062	0.066	0.069	0.233***
Либерализм-консерватизм						1.000	0.490**	-0.009	0.131
Ассимиляционизм-изоляционизм							1.000	-0.036	-0.028
Зарплата преподавателя/ администратора вуза								1.000	-0.058
Западные гранты и стипендии									1.000

стратификационный и культурно-идеологический, действуют параллельно. Если зайти с другой стороны схемы, возраст связан с образованием родителей (следствие экспансии высшего образования в СССР), знанием языков после школы (вероятно, отражение успехов советской школы в этой области), либерализмом и изменениями в языковых компетенциях после школы (в целом, молодые люди учат языки энергичнее и в университете). Образование родителей не связано прямо ни с политическими взглядами, ни с рынком, ни, соответственно, с естественной зоной. Единственное влияние, которое оно оказывает, оно оказывает косвенно, через знание языков — более образованные семьи инвестируют больше усилий в языковые компетенции детей, которые в более поздних поколениях оказываются выше еще и вследствие изменения приоритетов образовательной системы. Наконец, вопреки кумулятивному предположению, языки после школы наиболее интенсивно учат те, кто хуже всего знал их прежде — что, правда, уже не сказывается на определении зоны их обитания (правда, мы обнаруживаем возрастание языковых навыков и у тех, кто попадает в грантовую рыночную нишу). Идеологические и ресурсная гипотезы, таким образом, получают приблизительно равную по силе поддержку*.

Полученные модели были протестированы с использованием другого статистического метода — многомерных регрессий. Координаты в измерении «Восток-Запад» использовались в качестве зависимой переменной (Востоку были приданы положительные значения, Западу — отрицательные), все остальные — вводились в качестве независимых. Табл. 5 суммирует изменения в модели.

Как мы видим, принципиальных отклонений от той модели, которая кристаллизовалась ранее, нет. Статистическая связь возраста с обитанием в естественной зоне сокращается, когда в модель вводится образование родителей и языковые навыки после школы, которые влияют на выбор академического рынка, специфичного для данной части сообщества. Однако все вместе эти переменные объясняют примерно 6 % вариации — пренебрежимо малую долю. Введение в модель экономических переменных (специализации на образовательных рынках и гран-

* Выборка расщеплялась на гендерные группы — мужчин и женщин — но паттерн для каждой из них в отдельности оказался тем же самым. Аналогичное расщепление было произведено на младшую и старшую возрастные группы. Здесь уже были зафиксированы некоторые различия — влияние образования родителей на языковые навыки детей оказалось на границах статистической значимости для старшей группы, но проявилось отчетливее для младшей. Это кое-что говорит нам об изменении направлений родительских инвестиций в позднем СССР.

Регрессионные модели, зависящая переменная —
положение на измерении «Восток–Запад»

Переменные	Модель 1 (OLS)	Модель 2 (OLS)	Модель 3 (OLS)	Модель 4 (OLS)	Модель 5 (OLS)	Модель 6 (OLS)	Модель 7 (OLS)	Модель 8 (OLS)	Модель 9 (OLS)
Год рождения (В)	-0.204**	-0.166*	-0.154*	-0.139*	-0.035	-0.048	0.027	0.050	0.062
Образование родителей (О)		-0.132*	-0.123	-0.096	-0.118*	-0.097	-0.023	-0.003	-0.021
Языковые навыки после школы (ЯШ)			-0.046	-0.010	-0.055	-0.024	-0.101	-0.118*	-0.083
«Грантовая экономика» (Г)				-0.435***		-0.362***			0.215***
Преподавание (П)					0.416***	0.331***			-0.238***
Либерализм (Л)							-0.571***	-0.394***	-0.288***
Ассимиляционизм (А)								-0.273**	-0.197**
R	0.042	0.058	0.059	0.245	0.219	0.341	0.342	0.380	0.475
Скорректированный R	0.037	0.049	0.046	0.230	0.204	0.325	0.321	0.356	0.457

* обозначает $p < 0.05$, ** — $p < 0.01$, *** — $p < 0.001$.

товой экономике) практически нивелирует их дальнейшее влияние, одновременно увеличивая объясненную дисперсию до 0,341*. Сделав шаг назад и добавив политические аттитюды, мы вновь изменим картину. Влияние возраста и происхождения опять исчезнет (подтвердив наше предположение о двух путях, которыми влияет генерация и происхождение), зато процент объясненной вариации снова вырастает до вполне respectableных 0,342. Добавление ассимиляционизма сокращает влияние более широких культурно-политических установок, но несущественно — предположение о том, что либерализм или консерватизм значимы лишь постольку, поскольку обуславливают предпочтение национальной или интернациональной науки, неверно. Стиль академического существования разных частей сообщества — российские или зарубежные источники денег, направления поиска партнеров и развертывания связей, по всей видимости, политизированы сами по себе, вне связи со спецификой производимого там и здесь знания. И выбор между ними часто делается на политических основаниях, с предпочтением «западного» или «национального» стиля науки в качестве простого приложения. Наконец, полная модель с включением всех предыдущих факторов дает нам примерно 0,475 дисперсии — немного менее половины. Отличия между регрессионной моделью и той интерпретацией, которая была дана паттерну частных корреляций, незначительны и в основном касаются слабых связей.

Заключение

Самым неожиданным в этих результатах было, пожалуй, их полное несоответствие картине, которую можно было реконструировать на основании интервью. Ни один из тридцати с лишним человек, чьи биографические повествования мы анализировали, не упомянул политические взгляды в качестве оснований, на которых был сделан тот или иной профессиональный выбор. Превалирующими темами в историях о поворотных ситуациях в карьере были господство случая и сила связей, не всегда слабых — оказавшись на распутье, рассказчик принимал первое же поступившее предложение — абитуриент подавал документы на фа-

* Возраст фактически не влияет на вероятность включения в грантовую экономику, но сильно влияет — в положительную сторону — на вероятность работы в образовательном учреждении. Учитывая, что большая часть рабочих мест на соответствующем рынке была создана экспансией 1990-х гг. — т. е. периодом, когда в избытке представленные на нем индивиды были уже немолоды — это может интерпретироваться как указание на то, что преподавательские кадры в этот период проходили скорее отрицательный рыночный отбор. Но может существовать и какое-то иное объяснение.

культет, который предлагал посильный проходной балл и не требовал сдавать математику, аспирант отзывался на предложение научного руководителя стать ассистентом и начать преподавать, научный сотрудник — на предложение не самого близкого знакомого пойти знакомиться с директором — организатором нового института или заняться маркетинговыми исследованиями. Самым частым ответом на просьбу рассказать о своей профессиональной биографии, который вы услышите от социолога, будет фраза «Знаете, я никогда не думал, что стану социологом». Благодаря этим рассказам, мы уже знали, какая гипотеза должна подтвердиться, еще до того, как начали обсчитывать результаты. Это была гипотеза В, «Экологическая». Именно она описывала ситуацию, когда выбор в каждом конкретном случае делался, в общем-то, случайно, а распределение индивидов по частям сообщества полностью определялось неизвестной им конъюнктурой на академических рынках в момент окончания ими вуза.

Как уже видел читатель, эта наша наиболее правдоподобная гипотеза оказалась хуже всего согласующейся с фактами. Возраст не оказывал никакого влияния, которое не было бы опосредовано другими переменными. Выбор части сообщества оказывался гораздо жестче детерминирован личными атрибутами, чем мы предполагали. Одним из этих атрибутов было владение иностранными языками. Относительно языковой компетентности в интервью можно было обнаружить некоторые ключи, хотя, как правило, они находились не сами собой, а лишь когда индивидов, оказавшихся на «Востоке», специально спрашивали, почему они не делают чего-то, что делается на «Западе». Тогда они — как правило, не очень охотно — упоминали о языковом барьере. Ассимиляционизм также возникал в интервью, когда интервьюер проявлял некоторую настойчивость, прося объяснить, чем отличаются части сообщества, но гораздо реже — когда информанту предлагали рассказать собственную историю. Наконец, либерализм или консерватизм, оказавшийся в статистическом анализе самым значимым фактором, на материале интервью не проявились ни разу. Даже информанты, активно вовлеченные в перестроечную политику и с удовольствием рассказывавшие об этом, не проводили параллелей с политическим климатом окружавшей их части сообщества.

Как объяснить то, что статистически фиксируемая важность идеологических факторов так слабо рефлексирована? Возможное предположение заключается в том, что их воздействие двухтактно: они не влияют напрямую на характер предложений взяться за работу, которую получают индивиды, или на их готовность на эти предложения согласиться, но они влияют на конфигурацию сетей, из которых те поступают. Политика — это то, из-за чего люди ссорятся в России, и, в некоторых социаль-

ных средах — главная причина, по которой они ссорятся. Политические взгляды — это фактор, определяющий, кто с кем будет поддерживать отношения и, соответственно, какая информация достигнет индивида, какими ресурсами он будет обладать и т. д. и т. п. Разные сегменты сети, таким образом, складывались из индивидов, максимально сходных по этому признаку, и отталкиваются от других сегментов, которые отличаются по политическому климату. Рис. 3 иллюстрирует этот тезис.

	A	B	C1	C2
0	7%	29%	68%	61%
1	81%	53%	22%	26%
9	10%	16%	9%	12%

«1» (светло-серый на рисунке) обозначает приверженность респондента либеральным взглядам

«0» (темно-серый) — консервативным

«9» (белый) — отсутствие информации

Рис. 3. Политические взгляды на сетевой карте сообщества

(в таблице слева обозначения зон — в соответствии со статьей М. Сафоновой в этом номере, любезно предоставившей его автору, бинарная классификация — по медианному респонденту, размер — в соответствии с числом входящих связей)

История ленинградской социологии особенно богата примерами драматических коллизий, в которых политические аттитюды трансформировались в личные отношения и обратно. Разделение сети на университетскую и академическую (т. е. относящуюся к АН) части в 1967 г. произошло вслед за затяжной полемикой Василия Ельмеева и Владимира Ядова, в которой широко использовались политические аргументы; позднее ИСЭП пережил несколько политических чисток 1983–1984 гг. (дела Алексева, Воронкова, Голофаства) и конфликты, сопровождавшие выборы директора в 1989 г., другие эпизоды того же характера включают революционную смену руководства Северо-Западного отделения ССА в 1987 г. и утверждение кандидатуры декана факультета социологии ЛГУ в 1989 г. (основные эпизоды описаны в: Алексеев 2001; «Ленинградская...» 1998; интриги вокруг факультета в ЛГУ — в: Ельмеев, Долгов, Галактионов 2003). В каждом из этих случаев выбор в пользу советской,

марксистской и партийной или сравнительно неидеологичной и интернациональной позитивистской науки приводил выбирающего в ряды одной из партий, которые вели войну на уничтожение. Не удивительно, что их однажды оказавшиеся по разные стороны баррикад участники никогда впоследствии не обменивались приглашениями на семинары и конференции или предложениями занять освободившееся рабочее место. Хотя после 1989 г. мы не наблюдаем ни одного прямого политического столкновения внутри Ленинграда-Петербурга, реакции разных сетей внутри сообщества на внешние события поддерживают моральную дистанцию между ними — реакции на события вокруг социологического факультета МГУ 2007 г. могут быть примером.

«Естественные зоны» внутри петербургской социологии повторяют контуры социально-политических лагерей и социальных сред за ее пределами. Идеологические переменные определяют, в какой сети индивид сможет удержаться, ресурсные — в какой степени для него/ нее открыты академические рынки, на которых эта сеть специализируется. Связь с переменными, характеризующими унаследованные ресурсы, впрочем, в целом слабее, чем с идеологическими переменными (и при этом ощутимо сильнее в случае с младшими поколениями социологов, чем со старшими). Карта социологического сообщества является микрокосмом скорее политического пространства, чем классовой структуры.

Литература

Алексеев А.Н. Год Оруэлла (Из опыта драматической социологии). СПб.: «Ступени», 2001.

Гоулднер А. Грядущий кризис западной социологии. СПб.: Наука, 2003.

Ельмеев В.Я., Долгов В.Г., Галактионов Г.Г. Социология в Ленинградском-Санкт-Петербургском университете: История становления // Журнал социологии и социальной антропологии. 2003. Том 6. № 3. С. 25–30.

Ленинградская социологическая школа (1960-е — 1980-е). / Под ред. В. Костюшева. М: Институт социологии РАН, 1998.

Соколов М. Российская социология после 1991 года: Интеллектуальная и институциональная динамика «бедной науки» // *Laboratorium*. Журнал социальных исследований. 2009. № 1. С. 20–57.

Abbott A. The Chaos of Disciplines. Chicago and London: University of Chicago Press, 2001.

Bourdieu P. Homo Academicus. Cambridge, UK : Polity Press, 1988.

Greenfeld L. The Formation of Russian National Identity: The Role of Status Insecurity and Resentment // *Comparative Studies in Society and History*. 1990. Vol. 32 (3). Pp. 549–591.

Wallerstein I. The Politics of the World Economy. Cambridge University Press, 2001.